



КОНЁК ГОРБУНОК

ишимский
детский познавательный
журнал
для семейного чтения

№ 15
2014





Памятник Прасковье Луполовой.
Скульптор В.М.Клыков. 2004.

IX Ершовская премия и праздник славянской культуры в Ишиме



24 мая 2014 года, в День славянской письменности и культуры, в нашем городе вновь состоятся события, связанные с этим государственным праздником и именем П.П.Ершова.

Начнётся праздник шествием «Славянский ход», которое пройдёт от Богоявленского собора до концертного зала им. 30-летия ВЛКСМ. Там состоится торжественная церемония вручения IX Международной литературной премии им. П.П.Ершова за произведения для детей и юношества и награждения победителей регионального конкурса творческих работ учащихся «Сказочная карусель».

В этом году жюри литературной премии определило пять лауреатов: в номинации «Выбор мецената» – Светлана Львовна Волкова (г. Иркутск) за книгу «Под Рождественской звездой», Камиль Фарухшинович Зиганшин (г. Уфа) за книгу «Боцман, или История жизни рыси», Михаил Константинович Попов (г. Архангельск) за книгу «Берестяная история»; в номинации «От потомков П.П.Ершова» – Александр Илларионович Щербаков (г. Красноярск) за книгу «Деревянный всадник»; в номинации «Связь времён» (памяти В.Г.Уткова) – Валерий Михайлович Воскобойников (г. Санкт-Петербург) за серию книг «Жизнь замечательных детей».

На церемонию вручения премии из Москвы также приедут: первый секретарь правления Союза писателей России, председатель жюри Ершовской премии Геннадий Викторович Иванов; почётный член Международного фонда славянской письменности и культуры Сергей Павлович Козубенко (главный попечитель премии

и нынешнего выпуска журнала «Конёк-Горбунок»); потомки П.П.Ершова Валентина Владимировна Нестерова, Оксана Владимировна Михайлова, Святослав Игоревич Михайлов; Ольга Викторовна Устинова, дочь исследователя творчества П.П.Ершова Виктора Григорьевича Уткова.

Также гостями премии станут четырёхкратный олимпийский чемпион, обладатель звания «Лучший биатлонист XX века» Александр Иванович Тихонов, генеральный директор Международного фонда славянской письменности и культуры Александр Владимирович Бочкарёв и известный художник Никас Сафронов.

Кроме того, жюри конкурса объявило имена дипломантов премии: Наталия Зыкова (Кипр) за книгу «Сказки бабушки Марулы», Тайана Тудегешева (г. Новокузнецк) за книгу «Элимай», Александр Вайц (Германия) за рукопись сборника сказок, Вадим Сулимов (г. Тобольск) за рукопись сказки «Приключения мандарина», Светлана Нестерова (г. Улан-Удэ) за книгу «Байкальские сказы», Татьяна Моисеева и Андрей Матвеев (Беларусь) за книгу «Знакомые незнакомцы».

В этот же день будут награждены 50 победителей регионального конкурса творческих работ учащихся «Сказочная карусель». Всего на конкурс получено 508 работ из Тюмени, Тобольска, Ишима, Ялуторовска, Армизонского, Бердюжского, Ишимского, Уватского, Юргинского районов и даже из за пределов Тюменской области.

Избранные произведения лауреатов премии и некоторые сказки юных авторов по традиции публикуются в этом, специальном, выпуске журнала.



Счастливы пельмень

Под Новый год бабка Пелагея большуюстряпню затеяла: напекла шанег с творогом и ягодами, налепила пельменей. И всё отнесла в чулан – чтобы замерзло. Радуется старая: до Нового года ещё три дня, а состряпнёй уже управилась.

И коту бабкиному Ерошке Нового года ждать невтерпёж. Нашёл он в крыше чулана лаз и повадился каждый день туда лазить.

Шанег вволю отведал и пельменям отдал честь. Одно у Ерошки горе – как ни старался, не мог всего сразу съесть.

Как Ерошка навевывался в чулан, никто не видал. Только синицы да свиристели, что на рябине сидели. Свиристели головами вертели, пересвистывались, переглядывались, Ерошку ругали.

Потом снялись с рябины и улетели в лес всей стаей. А синицы остались. И, оставшись, не зевали: шмыг да шмыг в дыру в чулане. Много шанег да пельменей поклевали. Пошла Пелагея в чулан и ахнула: испорчена всястряпня!

Причитает старая:

– Всё угощение пропало! А ко мне кума обещала прийти из Копёшек.

Набросилась она на кота:

– Это всё ты, завалень, виноват! Сколько пельменей перетаскал, серый прохвост!

Отходила Ерошку веником и выпнала на мороз.

Очень Ерошка обиделся и надумал вот что: «Схожу-ка я в Копёшки к бабкиной куме, скажу ей, что угощения у бабки и в помине нет. Кума к ней и не придёт. Пусть сидит старая одна в Новый год!».

Пошёл кот Ерошка в деревню Копёшки. А дорога ведёт через лес. Кот по лесу ходить непривычен. Сначала в сугроб по уши влез, потом в нору провалился.

Вылез, отряхивает с лап холодный снег. Увидела его белка на сосне:

– Эй, кот – серый хвост, далеко ли идёшь?

– Иду в деревню Копёшки, да, боюсь, не дойду. Совсем я замёрз.

Белка его пожалела:

– Дойдёшь до поваленной ели, свернёшь налево – там будет зимовье, погреться зайдешь.

Не обманула белка. Набрёл кот на сторожку. Вошел в сени, обмёл лапы веником, поскребся:

– Это я, кот Ерошка.

Двери открыл старик, высокий, румяный, борода и усы белые. Сам Дед Мороз.

– Вот так гость! – удивляется Дед. – Что тебя по лесу носит?

Жалуется кот:

– Настряпала Пелагея сдоб, налепила пельменей. Всё птицы поклевали, мыши поели. А бабка меня веником! Я же совсем не виноват!

Нахмурился Дед Мороз:

– Птицы, говоришь? Мыши? А какие птицы, интересно узнать, на рябине сидели, головами вертели?

– Известно, какие! Синицы и свиристели, они всё поклевали, поели.

Дед Мороз хмурится ещё сильнее. А потом говорит:

– Мне тоже надо пельмени лепить. Садись, помогай.





Кот Ерошка вымыл лапы, сидят с Дедом стряпают. Налепилипельменей два противня целых. Остался теста комок, раскатал Дед его в кружок, набил хлебными крошками, хвост приладил и два глаза-орешка вставил.

– Это, – говорит Дед Мороз, – пельмень счастливый. Кому он достанется, тому счастье всю зиму.

Сели они пельмени есть и заглядывают друг к другу в чашки: кому из них привалило счастье? Счастливый пельмень достался Ерошке. Выловил он его, открыл рот, а пельмень как чвиркнет, да как запоёт!

Вспорхнул с крашеной ложки и вылетел из сторожки.

Дед усмехается:

– Вот оно, твоё счастье, улетело в двери.

Кот только лапой махнул. Уплёл он целую миску пельменей, отяжелел и раздумал идти в Копёшки к Пелагеиной куме.

Завалился спать на лежанку. Утром Дед его разбудил спозаранку:

– Куда тебя провожать, дорогой гость?

– Домой пойду. Пропала у меня на бабку злость.

Прибежал он домой. Дома нет никого, на двери висит замок.

А синицы сидят на рябине, как раньше сидели.

И свиристели опять прилетели. А среди них незнакомая птица: хохол торчком, длинный хвост.

Так и эдак Ерошка размышляет: «Может, дрозд?». Поглядывает на неё вполглаза:

– Почему эта птица с дерева не слезает? Наверное, меня боится?

Вдруг как свистнет птица, как зальётся трелью!

Два глаза-орешка строго так на кота поглядели.

– Свись! Свись! Иди, кот Ерошка, перед хозяйкой своей повинись.

Тут и признал кот Ерошка свой счастливый пельмень.

А тот чвиркнул, свистнул и улетел.

– Эх, – говорит Ерошка, – вот напасть-то! Опять упустил своё счастье... Пойти, что ли, повиниться перед Пелагеей?

Обошёл кот всю деревню и набрёл на следы от бабкиных валенок. Пошёл по следам и к дому пришёл, где жила бабкина сестра и её племянники.

Дождался он, когда откроют, пулей влетел. Сидит за столом Пелагея, и не злая она сегодня, видно по ней. Потёрся об ноги Ерошка:

– Прости меня, хозяйка! Я не буду больше!

– Ладно, – говорит бабка, – кто старое помянет, тому глаз вон. Загостились я тут, пойдём домой.

Пошли они к своей избе. Ерошка видит: сидит на рябине счастливый пельмень. И не один, а среди родни. И этой пельменной родни на рябине видимо-невидимо! Шум стоит: кто цвиркает, кто чирикает, кто свиристит. Тут хохлатый пельмень пропел:

– Это, Пелагея, подарок тебе от Деда Мороза.

Бабка вгляделась: на рябине расселись пельмени мороженые! Всплеснула руками, схватила таз, полный пельменей натрясла. А остальные за счастливым вслед улетели. Тут и бабкины гости подоспели: сестра с племянниками да кума из Копёшек. Все сели за стол, не забыли и Ерошку. Зачерпнула ему бабка пельменей три поварёшки.

Всю зиму на рябине пельмени гомонили. Всю зиму Пелагея с Ерошкой не знали горя. А как снег растаял, улетела пельменная стая за море.

Ерошка с Пелагеей их провожали:

– До свидания, пельмени! Возвращайтесь скорее!



ИЗ ЦИКЛА «О СЕРЁЖКЕ ИЗ ТАЁЖКИ»

(БЫВАЛЬЩИНЫ В РИФМУ)

Как Серёжка порох сушил

На развилине дорог
Просто так, от скуки,
Пнул Серёжка пыльный рог,
Чтоб не пачкать руки.

Кем-то наглухо забит
Деревянной пробкой,
Рог был начисто забыт,
Как лишённый проку.



Всё же парня взял азарт
Вызвать, чем заряжен.
Вынул пробку – и глазам
Не поверил даже!

Ведь охотником Сергей
Мнил себя, как папка,
Хоть встречал пока зверей
Только в зоопарке.

Превосходный самопал
До поры припрятав,
Он покуда не стрелял,
Не было зарядов.

И теперь вот – окрылён,
В пляс пускайся в пору хоть:
Рог с краями начинён
Настоящим порохом!

Взял щепотку порошка
И понюхал важно.
Да-а, находка хороша,
Если бы не влажность...

Впрочем, это ерунда,
Ничего нет проще:
Можно высушить всегда
В печке что захочешь.

Под рубаху спрятав рог
И прикрыв ладонью,
Он пустился со всех ног
Напрямки до дому.

Вот уже и огород,
Вот крыльца ступени.
Встал Серёжка на порог,
Постоял мгновенье.



Что теперь ему тужить –
Мамы дома нету!
Взял – и порох положил
В печку, за загнету.

Чтобы как-то подтолкнуть
Времени течение,
Он решил часок соснуть –
Всё же развлечение.

Спит Сергей и видит сны...
Он идёт опушкой,
Глядь – топтыгин у сосны,
Взял его на мушку.

И, дыханье затаив,
Пальцем спуск нашарил –
Грохнул выстрел, точно взрыв,
Полыхнуло жаром!

Обуял Серёжку чих,
Захлебнулся парень наш
И, очнувшись, соскочил
С койки как ошпаренный.

Что такое? В доме дым
Ходит облаком седым.
Что такое? На шесток
Хлынул жирных щей поток.

Угли, крынки, чугуны
Возле печки грудой.
На окне висят... блины –
Что ещё за чудо?

Из дверей, как из трубы, –
Дым, на стенах – сажа.
Что же делать? Как же быть?
Что он маме скажет?

Только так подумал он –
Как на грех, в тумане
Увидал в дверной проём
Строгий облик мамин.

Сник Серёжка, засопел,
Пол сверлит глазами:
– Порох я, того... хотел...
Заморгал и замер.

ЖЕМЧУЖИНА ДЛЯ ЛЮБАВЫ

СКАЗКА

В одной онежской деревне жил-был добрый молодец Никита. Батюшка научил его ремеслу. А от матушки Никита перенял доброе сердце. Тем и жил.

Как-то наплёл Никита туесков, наворотел из глины крынок да горшков, а ещё намастерил всяких игрушек-погремушек – ребятишкам на забаву, родителям на умиление – и решил поехать в Каргополь на ярмарку. Свезу-ка, думает, свой товар, а на выручку куплю соли, муки, чтобы матушка пекла пироги; батюшке – рубаху, матушке – полушалок, а братцам младшим – леденцов да пряников обливных. Запряг Никита лошадку, сложил в повозку короба, пестерьки, крынки да дёжи и тронулся в город.

Едет Никита вдоль Онеги. Тихо кругом. Только река журчит по камешнику, да ветерок балуется в листве. Вдруг слышит – зверь какой-то трубит. Да не страшно так, а жалобно. Остановил Никита лошадку. Бросился в лес. Видит, лось в колоду попал. Да так, что и не выбраться.

– Эк тебя угораздило, сохатый! – покачал головой Никита. – Ну да ничего, потерпи маленько, сейчас выручу.

Взял Никита топор и стал рубить ту колоду. Долго рубил, аж рубаха взмокла. Наконец одолел. Лось облегчённо вздохнул, склонил перед Никитой ветвистые рога, дескать, век не забуду – и ускакал в чащу.

Едет Никита дальше. Вдруг слышит – раздаётся отчаянный писк. Подъезжает он к угору и тут видит, как под берегом возле воды мечется с криком птичка оляпка. Присмотрелся Никита и всё понял. Там, внизу, у птахи гнездо. Слышно даже, как пописки-



вают птенцы. А к гнезду крадётся лиса. Со всем немного до него осталось.

Спрыгнул Никита с повозки и сломя голову бросился наперерез. Лиса испугалась, вильнула рыжим хвостом и кинулась прочь. А оляпка радостно пискнула, коснулась крылышком Никитиной руки – дескать, выручил, добрый молодец, век тебя не забуду – и устремила к своим птенчикам.

Вот приехал Никита на ярмарку. Народу на торге видимо-невидимо. В такой суতোлке немудрено затеряться, не то что приманить кого к своему возку. Но Никита – парень не промах. Взял он свои поделки – игрушки-погремушки, свистульки-дудульки – да и заиграл. Что тут началось! Трещотки затрещали, дудочки запиликали, шаркунки плетёные, горохом начинённые, дробью зашлись, свистульки глиняные трелью отозвались. И такая музыка полилась – ноги сами в пляс пустились. Так вся ярмарка, поплясывая, и двинулась к Никитиной повозке. А Никита не зеваёт. Кому крынку продаст, кому туесок, а кому дудочку-самогудочку уступит.

В ту пору на ярмарку пожаловала княжеская дочь Любава. Услышала княжна погудки да прибаутки, пошла поглядеть. А увидела Никиту – ладного да пригожего парня, залюбовалась, как он весело, играючи продаёт свой товар, да и влюбилась без памяти.

Вот стоит княжна посреди толпы. Смятение в глазах красавицы. Умом-то она понимает, что не пара он, простой парень, ей – княжеской дочери. Надо бы уйти, броситься прочь. Но сердцу не прикажешь. Стоит, точно онемела.

А Никита как же? Обернулся добрый молодец на зов синих глаз да и обмер, не в силах оторваться от их сияния.

Скоро дело делается, да не скоро свадьбы играют. Заслал Никита в княжеские хоромы сватов. Но только вернулись они по нурые. Не принял князь Никитино предложение. Дескать, что за жених для княжеской дочери, ежели у него нет состояния.

Закручинился Никита, слышав отказ князя. Бросился прочь, долго бродил по ле-

сам да оврагам. Наконец, вышел к реке и решил распрощаться с белым светом. Какое без Любавы житьё! Но только он повесил на шею камень, только хотел броситься в воду, Онега ему и шепчет:

– Не печалься, Никитушка, я помогу твоему горю. Только прежде подсоби мне. Видишь, какие валуны да кокоры встали на моём пути. Расчисти моё русло. А за мной дело не станет.

– Добро! – ответил Никита, взял багор и не мешкая кинулся растаскивать речные заломы. Много валежин перегородило реку, много выворотней да камней-валунов встало на её пути. Большая предстояла Никите работа.

В ту пору на водопой прискакал лось – тот самый, которого спас Никита от верной гибели. Увидел он, как спаситель его выбивается из сил. Кликнул своих лесных братьев. Прискакали они на его трубный зов, и такая пошла карусель – любо-дорого.

Рогами, точно баграми, лоси толкают валежины да выворотни, а копытами валуны дробят. Только звон идёт по округе!

Долго ли коротко, но прочистил Никита со своими друзьями-лосями речное русло. Вдохнул он облегчённо, оглядев ближние да дальние берега, присел на землю и мгновенно уснул.

Спал Никита долго – сутки, а может, двое, так притомился. Только приснилась ему Любава. Глаза синие-пресиние, точно онежская водица. Но такие грустные, хоть плачь. Заплакал Никита от горести и тут же проснулся.

– Не кручинься, добрый молодец, – говорит ему река. – Я же обещала тебе помочь. – И тихо прожурчала, что надо делать.

По совету реки срубил Никита небольшой плот. Посередине просверлил отверстие. Вставил в него камышинку и оттолкнулся от берега.

Плывёт плот по Онеге. Никита лежит на нём и смотрит в камышинку. Река, которую он освободил от валежин да валунов, стала чистая. Свет солнечный проникает до самых глубин. Всё дно в камышинку, как



в подозрную трубу, видно. Шуки да окуни снуют, водоросли колышутся, камешки разноцветные светятся. То-то любо!

Смотрел Никита, смотрел. Вдруг видит — раковина. Опустил он камень на дно, плот остановился. Стал Никита сапоги снимать, да тут вспомнил, что плавать-то не умеет. Закручинился Никита, не зная, что делать. Но тут ему на плечо села птичка оляпка.

– Не горюй, добрый молодец. Ты меня выручил, я тебе тоже помогу. – И с этими словами ныр в воду, только её и видели.

Ну, решил Никита, пропала пичуга, сиротами оставила птенчиков. Но не успели разойтись круги, как оляпка появилась из-под воды, села на руку Никите, и из её клювика – кто бы мог подумать? – скатилась на Никитину ладонь ясная жемчужинка. Птичка не только разыскала раковину, но и раскрыла её.

Вот уж обрадовался Никита! Вот уж заликовал! Если добудет он таких жемчужин

Любаве на кокошник – может, и смилостивится князь, а, коли смилостивится, может, и отдаст Любаву в жёны. И, окрылённый удачей, Никита направил плот по течению.

Плывёт плот по реке. Никита глядит в камышинку, выискивает раковины. А оляпка по его знаку ныряет в воду. Никита просто налюбоваться ею не может. Так ловко эта птичка бегаёт по дну. Так быстро находит раковину, раскрывает её своим точёным клювиком и, если не пуста, – приносит ему жемчужину. А они одна другой краше. Так и светятся матовым светом, точно ясный лоб юной Любавы. Так и сияют.

Много жемчужин насобирал Никита – целое блюдо. Вернулся он в Каргополь и кинулся в княжеский терем. Подивился князь при виде дара – богатый выкуп выложил Никита. И на кокошник Любаве хватит, и на подвески, и на туфельки атласные, чтобы расшить. Но ещё больше по душе князю пришёлся нрав Никиты – упрямый, сметливый, коль сумел такое богатство добыть, и в то же время ласковый, добродушный. Такому и дочь любимую можно доверить, а со временем и владенья княжеские уступить.

Тем дело и кончилось. Никита с Любавой сыграли свадьбу. А когда старый князь ушёл на покой, стал землями Каргопольскими править добрый молодец Никита. И был он, сказывают, справедливым и рачительным хозяином.

То, что в Онеге жемчуг перекаточный водился, ты, дружок, не сомневайся. Кокошники, которые носили твои прабабушки, – загляни в музей – расшиты именно таким узорочьем. Беда только, что теперь жемчуга, считай, нет. Дно Онеги устлано топляками, древесной корой. В реке стала пропадать рыба, почти не осталось и ракушечника. А жаль! Такая краса может кануть. Хорошо бы снова пришёл к Онеге Никита. Хорошо бы вновь очистил реку от завалов да заломов, от коры да тины. Но кличь не кличь – Никиты давно нет. Может быть, ты, дружок, возьмёшься, когда вырастешь?



Лохматый

РАССКАЗ

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Фёдор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упершись сильными ногами в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал красивые резные наличники на новеньком доме зятя.

Распахнулась дверь, и из неё с шумом вывалились, похохатывая, плотная, во всем похожая на отца, дочь Наталья и высокий жилистый зять.

– Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замёрзнешь, – выпалила она.

– Да пора мне, Натаха, – сказал Лапа, кивнув на расплющенный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока ещё неухоженный, необжитый двор.

– Лохматый! – властно позвал он собаку и направился к переминавшемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедко. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взбил в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом, мешок муки.

– Бывайте здоровы! Ждём в гости, – крикнул он, обернувшись.

Крупный, с мощным загривком, лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина.

Миновав посёлок и густую сосновую посадку, въехали в берёзовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за ошетилившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

– А всё-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, – подумал Лапа. – Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако, башка у меня с толком, – самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завилась по стиснутой увалами долине ручья. Сани на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядится выручкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяй или простодыра», – говорил о таких.

– Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер называется! Цемент не может подкинуть... Тоже мне – порядочный! Тьфу! – сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко.

Конь тревожно прядал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря глазами по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто! Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

– Но! Но! Пошёл! – сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя тот и без того уже перешёл на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, нёсся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За



упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьём петлёй огибала высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матёрый вожак неспешно перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух нёсся Гнедко.

Лапа, нахлестывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чуял, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался – посёлок уже был слишком далеко.

– Авось упряжу, – успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор.

Внезапно мерин дико всхрапнул и, взметая снег, шархнул в сторону – наперерез упряжке вылетела стая. Мощный главарь сходу прыгнул на шею Гнедко. Ещё миг – и тот бы пал с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Человек опомнился, схватил и с силой метнул в стаю мешок муки.

Увесистый куль ещё не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время Лапа успел выправить сани на дорогу.

– Давай! Давай! – осатанело заревел он, нещадно лупцуя мерина кнутом. Обезумев от страха и боли, Гнедко нёсся, стреляя ошметками снега из-под копыт.

Он обошёл умчавшегося было вперед Лохматого.

«Неужто оторвёмся?» – мелькнула надежда.

Сани неслись по ухабам то возносясь, то падая. На поворотах наездника бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Фёдор Дементьевич ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, клацая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряжкой Лохматого, но пёс в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по

снегу, молча и неотвратимо настигая выдыхавшегося коня.

Лапа уже слышал их прерывистое дыхание. Ещё немного и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают долгожданную добычу на куски. Он выдернул из-под себя овчинный тулуп и швырнул на дорогу. Звери на секунду задержались, но, обнаружив обман, возобновили погоню с еще большей яростью.

Человек снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но одураченные однажды серые не обращали на них внимания. Разгорячённая преследованием стая жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к финалу.

Охваченный страхом Фёдор Дементьевич, не умолкая, иступлённо вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстрее, Гнедко, быстрее!», то, обернувшись назад, устрашающе тряс топором на стаю: «Порублю! Всех порублю!».

Казалось, ещё несколько секунд – и матёрый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, еще живого, на куски...

Мужик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули яростным огнём: собака? Живая тварь, кровь – вот что нужно стае! Он ногой спихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Всё его существо выражало недоумение и обиду.

– Пошёл, паскуда! – срываясь на петушинный фальцет, завизжал разъярившийся Лапа и нанёс сапогом увесистый удар.

Лохматый скособочился, и, сомкнув челюсти, мёртвой хваткой вцепился в борт саней.

Волки были совсем близко. Человек упёрся спиной в передок, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пёс, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.



«Всё, конец», – подумал Лапа, передёрываясь. В беспощадной памяти остался немигающий, укорительный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны были редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как сотрясается от пережитого ужаса и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх кусок брезента и настороженно вглядывался в удаляющийся непроницаемо-чёрный лес. Страх постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но, раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно ёжилась.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запалённого коня: «Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки».



Подъезжая по унылой, пустынной улице, к своей красавице-избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: «Мог ведь и не увидеть боле».

Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

– Спит чертовка. Ей-то что, – злился Фёдор Дементьевич, вылезая из саней. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завопились. Торопливо застелили. Лязгнув засов. Дверь приоткрылась. Лапа, не взглянув, прошёл мимо тощей фигуры в сени. Щёлкнул выключателем – темно.

– Лампочка перегорела, Федя, – тихо пояснила жена. Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

– Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, – оправдывалась хозяйка.

– Мечи на стол, замёрз, – скомандовал муж, опускаясь на табуретку. – Эх, чёрт, Гнедко-то на улице, – и, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил.

Распряг и завёл мерина в тёплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

– Ешь. Это тебе за справную службу, – Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду.

– Ты чего?.. Чего ты?.. Эт ты зря! Да если б не Лохматый – нам бы конец! Понимаешь – всем конец! Я спас тебя... Спас! – горячо зашептал, оправдываясь, хозяин. Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону.

«А может и не погибли бы?» – неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. Топором саданул одного, глядишь, и другим острастка, а то и на порубленного собрата позарились бы».

От этой простой мысли Фёдор Дементьевич сник. «Совсем я расклеился. Чего голову себе морочу... Что сделано, то сделано... сделано правильно».

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце



тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, муж сел, прижался спиной к тёплой печке и замер.

– Как съездил, Федя? Видал молодых-то?

– Видал... Живы-здоровы. Хоромы здоровущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

– Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, – робко возразила супруга.

– Ничего, у себя всегда успеется.

– Мясо-то продал?

– А то! Мясо – не редька, только свистни, – Лапа нащупал завораживающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана свёрток.

– Держи, – развернул он цветастый платок.

– Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. А красавит-то как!

– Будя трепаться, – грубовато оборвал муж, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена ещё более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

– Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

– Ложись-ка лучше, сам покормлю. По-смолю заодно перед сном, – торопливо возразил он, – да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Фёдор Дементьевич заставить себя думать о происшедшем как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнём.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспалённым внутренним взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает тёмный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъярённой стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Он, напряжённо вслушиваясь в них, незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, немолимо затягивая живую петлю всё туже и туже. В голове возник нарастающий гул.

– А...а...а...! – заметался Лапа.

– Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? – трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на неё – не мог взять в толк, где находится – всё ещё жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец, узнал дом и жену.

– Фу ты, – облегчённо выдохнул он.

– Чего кричал так, Федя? – допытывалась встревоженная супруга.

– Мяса, видать, переел. Мутит. Не доварила, верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить синие, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жёсткую ладонь на его голове. Лапа осторожно убрал её на подушку. Сон не шёл. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чём-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принёс его, ещё безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растёт сильный, не признающий чужих страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза, как ликовал, суматошно прыгал, захлёбывался счастливым лаем, встречая хозяина с работы; с какой готовностью он исполнял все его желания.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь.

У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо, болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в клочья шерсть, злобно ощерившаяся пасть.

– Лохматый?! Ты?! Не может быть...

Растерявшийся Лапа невольно попятился, запнулся за порог и упал...

В голове вновь возник и стал нарастать гул... гул смерти...





ЗЕМЛЯКАМ-
ЖЕРТВАМ
ТРАГИЧЕСКИХ
СОБЫТИЙ
1921 ГОДА

Памятник землякам - жертвам трагических событий 1921 года.

Скульптор Г.П.Вострецов. 2011.



Разлив реки Ишим. Вид с Кучум-горы.

Фотография Вячеслава Корнилова.





Богоявленский собор. 1775-1814.

Здесь в 1815 г. был крещён Пётр Павлович Ершов.

Когда Дмитрий Менделеев был маленьким

(фрагменты)

Учение в Тобольской гимназии

Дмитрий Иванович Менделеев родился в Тобольске 8 февраля 1834 года, 180 лет назад...

...В Тобольской гимназии фамилия Менделеев звучала постоянно. Сначала папа был учителем. Потом он стал там директором. Потом один учитель женился на сестре маленького Дмитрия Менделеева, потом стали учиться его братья, а теперь и сам он пришёл.

Учение начиналось первого августа, а кончалось в июне. Ровно в половине девятого утра могучий старик-сторож в заношенном мундире и подшитых валенках проходил с тяжёлым колокольцем в руках по коридору мимо дверей. Он оповещал о начале занятий.

Сейчас же в классы входили педагоги. С половины двенадцатого до часу гимназисты разбегались по домам обедать. А с часу до четырёх – снова занятия.

Самым весёлым человеком в гимназии был Пётр Павлович Ершов. Когда-то он учился в Петербурге и сочинил сказку «Конёк-Горбунок» – она вышла в свет как раз в год рождения Дмитрия Менделеева. Эту сказку он читал вслух самому Александру Сергеевичу Пушкину. И тот с удовольствием слушал и хохотал. Потом сказку с увлечением прочитал воспитатель царских детей и поэт Василий Андреевич Жуковский. Потом её прочитали с увлечением царские дети, а уж потом ею увлеклась вся Россия. Сам же Пётр Павлович после университета приехал в Тобольск и стал служить учите-

лем. Правда, теперь у него в гимназии была строгая должность: он назывался инспектором. Но так уж маленькому Менделееву повезло, что у них был самый весёлый школьный инспектор в России. Каждый день Ершов придумывал новые забавы и шутки и с удовольствием вместе с гимназистами над ними смеялся.

Увлекательными предметами маленький Менделеев считал историю, математику и физику.

А химией он сначала занимался секретно.

Адова химическая смесь

Один гимназист из старшего класса на перемене рассказал ему страшную тайну о том, как приготовить адову химическую смесь.

Если взять толчёную серу, селитру и толчёный древесный уголь, всё это хорошенько перемешать, то она и получится.

– Её в пушки заправляют и в ружья, – сказал старший гимназист громким шёпотом.

Он оглянулся по сторонам, чтобы его никто не увидел и добавил:

– Чёрный порох называется, ею черти в аду пользуются. Ежели в нужных долях перемешать, в бомбу заправить да вставить фитиль, можно устроить подрыв.

Маленький Менделеев решил обязательно приготовить эту адову смесь. В учебниках по химии у старших братьев он прочитал всё про селитру и серу – как их получают и для чего используют. Найти уголь было легче всего. Но и остальное он постепенно



раздобыл. А потом, хорошенько перемешав смесь, набил ею жестяную банку. Последнюю операцию он проводил, спрятавшись за гимназические сараи. Там же рядом с ним крутился гончий щенок Мотька. Мотька был очень любознательным и всюду совал нос. Маленький Менделеев гнал его от места будущего подрыва, но Мотька возвращался снова.

Наконец в жестянку был засунут короткий жгут из сухой тряпки, тряпка подожжена, а сам подрывник отбежал за угол сарая и с замиранием сердца стал ждать подрыва.

В это время к жестянке опять подскочил допыхавший гончий щенок Мотька. Он поддел жестянку носом – адова смесь высыпалась на землю и неожиданно полыхнула. Мотька взвизгнул и отскочил в сторону. Подрыва особенного не произошло, если не считать опалённый хвост Мотьки и жуткий прогорклый дым.

По школьному двору с громким жалобным визгом носился несчастный Мотька, а маленький Менделеев не переставая кашлял из-за своей адовой смеси. Тут его и схватил могучий старик-сторож. В молодые годы сторож служил бомбардиром, даже состоял при артиллерийской батарее в Бородинской битве. Потому запах пороха он мог опознать сразу.

– Ты, что ли, адову смесь сотворил? Признавайся, несчастный?! – громовым голосом спросил сторож, сделав ужасное лицо.

– Я, – честно ответил перепуганный Менделеев.

– Как новый класс, так обязательно в этом месте подрыв! – спокойнее сказал сторож. – Из года в год. А того нет, чтобы подумать, что ежели не собаке хвост оторвёшь, так себе голову. Идём к господину инспектору.

– Наказание тебе будет такое, – сказал инспектор Пётр Павлович Ершов. – Сейчас ты станешь у окна и, глядя мне в глаза, повторишь три раза торжественное важное обещание: «Обязуюсь больше никогда не заниматься без спросу химией!».

Гимназист Менделеев проговорил обещание три раза и был прощён.



И никто в тот день не знал, даже сам маленький Дмитрий Иванович, что перед инспектором Ершовым, написавшим гениальную сказку «Конёк-Горбунок», стоит гениальный химик. И что именно он, Дмитрий Иванович, спустя годы изобретёт для Российской армии бездымный порох, который немедленно возьмут на вооружение артиллерия и другие рода войск. Но это будет только одним из многих его изобретений и открытий.

Медные гвозди и серебряный пятак

У гимназиста Менделеева был товарищ, с которым они вместе учились в классе. И отец товарища однажды устроил детский праздник, а на этом празднике показал гостям удивительный научный опыт. Он торжественно поставил на стол стакан с жидкостью голубого цвета и громко объявил:

– Медный купорос!



Потом так же торжественно покрутил перед всеми большим железным гвоздём и скомаңдовал:

– Считайте хором до десяти!

– Один, – стали считать дети, – два, три...

На счёт «один» отец погрузил железный гвоздь в стакан с жидкостью, а на счёт «десять» – вынул его, и гвоздь оказался совсем не железным, а медным, блестящим!

– Расскажите, как вы это сделали! Расскажите, ну пожалуйста! – запросили гости, но отец только улыбался хитро, а потом проговорил:

– Большая научная тайна!

Дмитрий Иванович решил обязательно повторить дома научный опыт. Только он не знал, что это за вещество такое – «медный купорос». Слово «купорос» звучало загадочно. И почему он медный, если выглядит как вода?

– Купоросом называют любую соль серной кислоты, – объяснила мама. – Это очень страшная кислота. Одна её капля прожигает насквозь любую одежду. И не дай Бог ей попасть человеку на кожу. Прежде её звали купоросным маслом, потому что в концентрированном виде она густая, как масло.

Мамины слова звучали тоже не очень понятно: что за вид такой – «концентрированный».

– А железо в медь она превращает? Или только гвозди? – спросил Дмитрий Иванович.

– Вот ты о чем! – рассмеялась мама. – Этот опыт я знаю.

На другой день она принесла пакетик голубого порошка и вместе они растворили этот порошок в воде. А потом Дмитрий Иванович собрал родственников, торжественно произнес: «Медный купорос. Научный опыт!» – и прямо на глазах родных стал превращать железные гвозди в медные.

Родственники удивлялись этому опыту и хвалили маленького экспериментатора.

– А еще, говорят, можно медный пятак сделать серебряным, – сказала на другой день мама. – Только надо раздобыть азотно-кислую ртуть. Давай попробуем? Я и сама такого никогда не делала.

Через неделю она принесла и это вещество. А потом вдвоём они опустили пятак в стакан с раствором и стали наблюдать.

– Серебрится! – наконец проговорил пораженный чудом Дмитрий Иванович.

С этого мгновения он увлёкся всевозможными превращениями. Дома у них было много старых книг по разным наукам. Они достались маме от её отца, и Дмитрий Иванович стал читать всё, что касалось химии. В книгах было много таинственных слов: «берлинская лазурь», «корпускула», «царская водка». Эти слова завораживали так, что у него мурашки бежали по телу.

Оказывается, люди наоткрывали в природе уйму веществ и каждому дали своё название. Иногда из одного вещества они получали другое, какого в природе вообще не было. Только почему вдруг эти вещества получались, никто не знал.

Вся химия состояла из таинственных превращений. Или, например металлы. Какое между ними средство? Почему медь и золото так похожи, что и не отличить, а свойства у них разные. Медь растворяется в царской водке и при этом поднимается едкий бурый дым, а золото ничто не берёт.

Почему так?

Скоро у Дмитрия Ивановича была уже своя химическая лаборатория. Он смешивал в стаканчике одну бесцветную жидкость с другой – и жидкости неожиданно становились ярко-красными, или, наоборот, голубыми.

– Здесь был лакмус, здесь – щёлочь, а здесь – соляная кислота, – важно объяснял он. – Это – реакция щёлочи с индикатором.

Его товарищи не никогда не слышали таких слов, но тоже очень важно кивали.

Однако что за превращения происходили в тот миг в стаканчике, он и сам объяснить не мог. И в книгах написано не было...

Великое открытие Менделеева

Это сейчас химия похожа на ухоженный парк с ровными прямыми дорожками, где около каждого растения стоит табличка с



указанием его свойств. И только далеко за краями парка начинается незнакомый лес. А в прежние века вся наука химия казалась дремучим лесом, беспорядочным накоплением фактов, среди которых загадочных было намного больше, чем объяснимых. И многие химики ломали голову над тем, как привести эти знания в чёткую логическую систему. Однако Менделеев чувствовал, что это сможет сделать только он – единственный в мире, потому что кроме химии он хорошо знал высшую математику и физику. Дмитрий Иванович постоянно думал о непонятых тайнах химии. Какие законы управляют миром веществ? Почему одни элементы похожи друг на друга, как братья, а в других – никакого сходства. В чём причина?

Он уже был известным профессором и совершил много важных открытий. Студенты на его лекции собирались толпами, но на главный вопрос – от чего зависят свойства химических элементов, он так и не знал ответа. И никто в мире тогда этого не знал.

Вместе с несколькими великими химиками он уже определил, что такое молекула, а что – атом. Молекула любого вещества состоит из атомов двух или нескольких элементов. Если постараться, молекулу можно даже разделить на эти атомы. Атом – самая мелкая частица, которая сохраняет свойства элемента. К тому времени химики определили уже 64 элемента: водород, кислород, натрий, калий, железо, алюминий... И даже узнали их атомный вес. Но какая между ними физическая связь – никто понять не мог.

Менделеев писал для студентов учебник. Он назывался просто: «Основы химии». Такого учебника в России ещё не было. Днём и ночью он продолжал думать о том, от чего зависят свойства каждого элемента. Он даже сделал карточки: написал на каждой название элемента, его атомный вес и главные свойства. Эти карточки он перекладывал как пасьянс, стараясь понять таинственную систему, чтобы рассказать о ней в учебнике. И 1 марта 1869 года Дмитрий

Иванович Менделеев совершил главное химическое открытие. Он заснул от усталости ненадолго и ему приснилась Таблица, всё объясняющая. Его карточки с названиями элементов располагались в ней по возрастанию атомного веса. По восемь штук в каждой линии. Это было настоящее озарение. Он мгновенно проснулся и изобразил на бумаге ту самую Таблицу, о которой спустя несколько лет узнал весь мир. Вот от чего зависели свойства – от атомного веса! Когда ряд элементов был заполнен – кончался один период и начинался другой. Так был открыт важнейший для научного познания Вселенной Периодический закон Д. И. Менделеева.

Менделеев расположил в чётком порядке не только все известные на то время элементы, но и те, которые в будущем должны быть открыты. В начале, когда он только опубликовал свою Таблицу, многие встретили её с сомнением. Но уже через несколько лет химики мира стали открывать один за другим элементы, предсказанные Менделеевым. И тогда его периодический закон получил всеобщее признание.

Великий химик Менделеев сделал за долгую жизнь так много очень важных для человечества открытий, что перечислять их пришлось бы весь день. Он создал теорию происхождения нефти и разработал технологию её переработки, однажды отправился в небеса на воздушном шаре и исследовал состав атмосферы, создал теорию растворов и даже изобрёл самые точные для того времени весы.

Он скончался в Петербурге 2 февраля 1907 года. Но и сегодня в любой школе мира, в любом химическом кабинете обязательно висит одинаковая таблица. Её называют «Периодическая система Менделеева». С этой таблицы началась современная химическая наука.

Поэтому бородатого Менделеева сразу узнают на портретах все химики мира. И когда в конце XX века они открыли 101-й, неизвестный прежде элемент, то назвали его Менделеевий.



Василий и Настенька

СКАЗКА

На Российской стороне,
На Тюменской на земле,
В славном городе Ишиме
Жил да был купец Василий.
Как-то вздумалось купцу,
Удалому молодцу,
Замуж взять себе девицу,
На все руки мастерицу,
Чтоб умела шить, и ткать,
И готовить, и стирать.
Разослал гонцов Василий,
Чтоб указ сей огласили,
И сказал: «Ко мне на двор
Привезите вы ковёр.
Сроку вам даю три дня,
Удивите же меня».
Сроки подошли к концу,
Привезли ковры ему.
Был один расшит цветами,
Другой – лентами, камнями,
Третий – шёлковый ковёр
Привезли ему на двор.
Отражались небо в нём,
Речка, лес, купцовый дом.
Посмотрел ковры Василий:
«Третий боле всех красивый!
Вот заданье вам другое:
Сшить кафтан ночей за двое».
Пришло время, ко двору
Привезли кафтан ему.
Вслед за ним второй и третий –
Краше нет на белом свете.
Оценил купец работы,
Удивлен был до икоты:
«Это диво, так уж диво!
Тот, что третий, всех красивей,
Перламутром отликает,
Красотою ослепляет!
Вот последнее заданье,
И закончим состязанье.



Вы пирог мне испеките,
До отвала накормите!
Буду завтра ждать к обеду,
Чтобы сей пирог отведать».
Только сел купец к столу,
Пироги несут ему.
Первый он берёт пирог –
Откусить его не смог.
Взял купец пирог второй –
Оказался он сырой.
Стал же третий есть пирог –
Оторваться он не смог.
«Что тут скажешь? Это блюдо
Во рту тает, просто чудо!
Очень вкусен сей пирог.
Кто ж такой испечь-то смог?
Разыщите ту девицу,
На все руки мастерицу,
Что умеет шить и ткать,
Пирогами угощать!».
Разыскали ту девицу,
На все руки мастерицу.
А девица та была
Очень тяжело больна.
Злая ведьма разозлилась
И проклятье напустила.
Ту девицу звали Настя,
Не видала в жизни счастья.
Входит к ней в избу Василий.
«Где же девица?» – спросил он.
Вышла бабушка, сказала:
«Тише, Настенька устала.



Проходите вы к столу,
Я вас чаем угощу
Да про Настю расскажу.
С малу внученька моя
Сиротинушкой росла.
Отец с матерью зимой
С работы ехали домой,
Вьюга, ветры поднялись,
Не смогли они спастись.
Настеньку сама растила,
Рукоделью научила.
Тут прознала злая ведьма
Про Настёны рукоделья,
Зависть ведьму задала,
Вот проклятье и наслала.
И сказала: только тот
Нашу Настеньку спасёт,
Кто её такой полюбит,
С чистым сердцем приголубит.
Поселилось в доме горе:
Обезножела Настёна».
Встал из-за стола Василий
И сказал: «За всё спасибо!
Ваш рассказ послушал я,
Стала мне милей она,
Чует сердце: не смогу,
Без нее не проживу,
Буду я её любить,
Буду на руках носить.
Отведите меня к Насте,
Хочу видеть своё счастье».
Вот вошел он во светлицу,
Поздоровался с девицей:
«В целом свете нет милее,
И искусней, и добрее.
Полюбил тебя всем сердцем,
Прошу – стань моей невестой!».
Взял за ручку, приобнял,
Сладко так поцеловал.
Тут проклятье сразу спало,
Настенька на ноги встала!
Прошел месяц, и купец
Ведёт Настю под венец.
Свадьбу пышную сыграли
Да детишек нарожали.
Жили счастливо они,
С них пример и ты бери.

*Кристина Ташланова,
9 класс, г. Ишим.*

В гости к другу

Жили-были в лесу заяц и медведь. Они были хорошими друзьями. Заяц всегда был весёлый, шустрый и всё делал очень быстро, чем очень забавлял мишку. Медведь же, наоборот, смешил друга своей неуклюжестью и медлительностью.

Как-то раз пригласил медведь зайца в гости. На улице было лето. Погода стояла теплая, в лесу было много разных ягод, грибов и других лакомств. Самое время ходить в гости, поэтому заяц с удовольствием принял приглашение. Правда, не спросил, когда приходиться. Так всё лето и проскакал.

Наступила зима. Вспомнил заяц о приглашении и решил, что пора бы уже и сходить в гости. Подошёл он к медвежьей берлоге, стучал-стучал, но никто ему так и не открыл.

– А еще друг называется, – сказал заяц. – Сначала в гости приглашает, а потом дверь не открывает.

Обиделся заяц на медведя и побрёл назад.

По пути встретил он сову. Сова была самым умным и внимательным обитателем леса, поэтому сразу заметила, что заяц чем-то расстроен. Спросила она его, что же с ним произошло. Когда заяц рассказал свою историю, сова только рассмеялась:

– Глупенький и невнимательный ты, заяц! Все жители леса знают, что медведь зимой впадает в спячку, поэтому и гостей он принимать, конечно же, не может. А тебе навсегда надо запомнить одно правило: в гости надо ходить тогда, когда тебя приглашают, чтоб не попасть в неприятную ситуацию. Получается так, что ты мишку ещё летом обидел, когда в гости прийти согла-

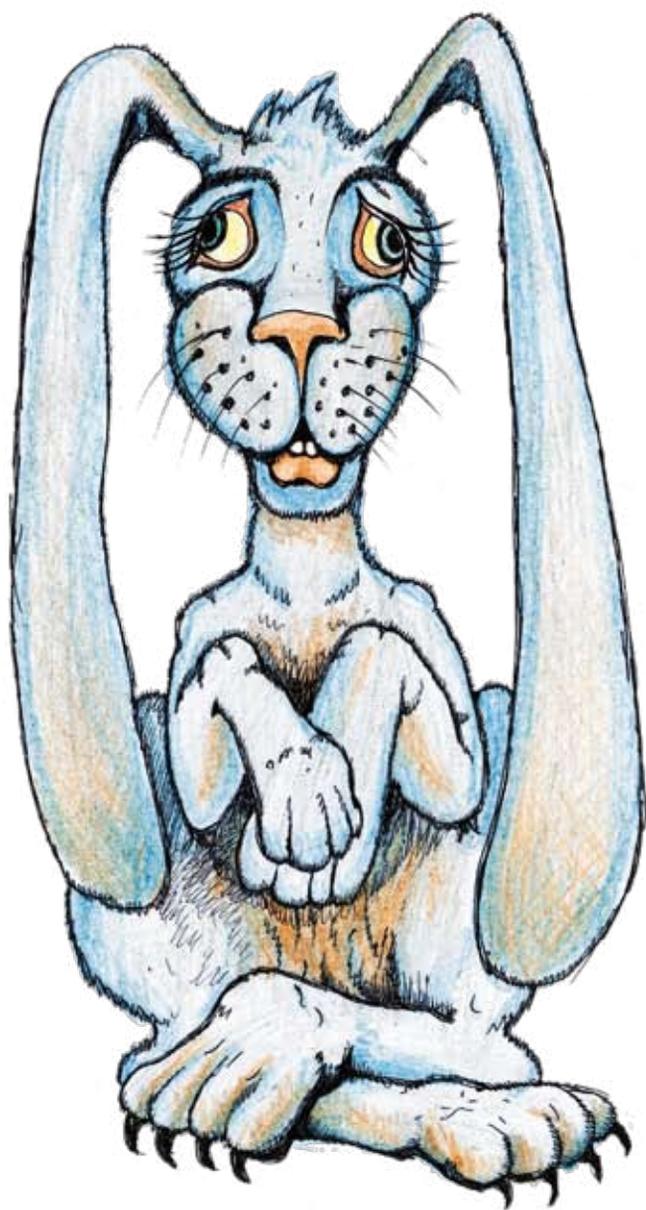


сил, но не пришёл. Сам же на него сейчас рассердился, хотя он ни в чём не виноват.

Заяц навсегда запомнил слова мудрой совы.

Вскоре наступила тёплая весна, а за ней пришло яркое солнечное лето. Мишка проснулся. Заяц больше не обижался на друга, потому что понял, что сам был не прав. Они снова вместе играли, веселились и почти каждый день ходили друг ко другу в гости.

*Ксения Башкова,
9 лет, г. Тюмень.*



Заяц - длинные уши

Жил-был очень трусливый Заяц. Как-то гулял он по лесу и повстречал дядю Лося.

– Эй, дядя Лось, а ты никого не боишься? – спросил Заяц.

– А кого мне бояться? Я со всеми дружу, а на случай, если на меня нападут, у меня есть рога и копыта.

– Я бы очень хотел такие же рога, как у тебя.

– А зачем тебе такие рога? Тебе даны длинные и быстрые ноги, это и есть твоя защита.

Этот разговор подслушал злой Болотный Дух и решил подшутить над Зайкой. Он превратился в лося и пошёл навстречу зайчонку.

– Хочешь, я подарю тебе свои прошлогодние рога?

– Да! – ответил Заяц.

Злой дух сделал копытом ямку в земле, поставил над ямкой рога и сказал:

– Вот ложись в ямку, а за ночь рога сами прирастут к твоей голове.

Долго лежал Заяц в ямке, есть захотел. Он решил встать, а рога упали и придавили ему уши. Заяц стал тянуть уши из-под рогов, а они только растягивались. Измучился зайчонок и заплакал.

Недалеко от этого места прогуливалась мама Мышь со своими детьми. Они решили помочь бедному Зайке. Мышата вырыли землю из-под головы зайчонка и освободили его уши.

С тех пор у зайцев длинные уши.

*Николай Лебедев,
8 лет, г. Тюмень.*



Самая обычная городская свалка

Мало кто обращает внимание на обыкновенную городскую свалку. Можно ли ещё найти место столь же непоэтичное? Но если приглядеться внимательнее, можно увидеть, что она живёт особой и немного сказочной жизнью...

– Я вот ещё не поняла, идёт наша жизнь или уже закончилась? – задумчиво произнесла Старая-Газета-с-Завернувшимися-от-Старости-Краями.

– Очень странный вопрос! – ответил ей Разбитый-Стакан-без-Небольшого-Осколка, – но, судя по тому, что Вы еще способны задавать вопросы, жизнь Ваша ещё не закончилась. Ведь те, чьи жизни закончились, не задают вопросов. Да и моя жизнь не закончилась, раз я ещё ищу ответы на Ваши вопросы.

– Но зачем Вам такая жизнь? – усмехнулась Упаковка-от-Йогурта.

В отличие от предыдущих героев, она смирилась с судьбой мусора, самого обыкновенного мусора, не задумываясь ни о чём.

Ни Газета, ни Стакан не знали, что сказать в ответ. Да и что сказать? Их жизнь, может быть, и продолжалась, но была ужасно скучной (как и любая жизнь на самой обычной городской свалке: лежишь весь день на боку и грустишь о своём существовании). А, может быть, не нужно жить совсем-совсем?

– А давайте тогда не жить! – воскликнула Вчерашняя-Газета, обращаясь к Разбитому-Стакану.

– Но как это – не жить? – испугался Стакан. Вчерашняя газета задумалась.

– Наверное, надо просто сказать.

– Вы думаете, этого хватит? Что изменится, если сказать: «До свидания, жизнь»?

– Если мы так скажем, то непременно попадём в рай!

– В рай? Звучит заманчиво! Наверное, там очень хорошо. Там цветы и фрукты, и вообще – не то, что у нас!

Тут они оба взялись за руки и сказали хором: «До свидания, жизнь!».

Они сидели, зажмурившись, в ожидании того самого Чуда. Тут раздался неожиданный всплеск, и им на голову посыпались фрукты.

– Видите? Фрукты уже посыпались! Мы, кажется, попали в Рай!

– Как Вы думаете, не настало ли время открыть глаза и взглянуть на рай? – спросил Стакан у Газеты.

– Открыли бы вы глаза пораньше, так и узнали бы, что на вас просто выплеснули испорченный компот, – вмешалась Упаковка-от-Йогурта.

Стакан и Газета поняли, что остались в той же куче мусора, где и были прежде.

Но Чудо всегда находит тех, кто его ждёт! Газета в первый раз в своей жизни заметила, как прекрасно блестит на солнце остро-обломанный Стакан. Да и Разбитому-Стакану показалось, что... что то, как ветер треплет края Газеты, выглядит неопишимо красиво!

Они оба не отводили друг от друга глаз.

– До чего же у Вас красивый скол! – восхищённо произнесла Старая-Газета.

– До чего же Вы похожи на танцовщицу в белой пачке! – улыбнувшись, сказал Разбитый-Стакан.

– Здесь обыкновенная свалка! И вы – совсем обыкновенный мусор! – воскликнула Упаковка-от-Йогурта.

– Разве? – удивилась Газета.

– Разве? – отозвался Стакан.

...Острый скол сиял в лучах весеннего солнца. Края Газеты парили по ветру, как пачка балерины. Всё вокруг напоминало Рай, и даже остатки компота. Не хватало только цветов... но ведь когда-нибудь кто-то бросит на свалку и засохший букет роз...

Екатерина Григорьева,
16 лет, г. Тюмень.





Сказка про Змея Горыныча и Иванушку - лентяя

Жил-был Змей Горыныч. И однажды посмотрел он на себя в зеркало и говорит: «Я умный, сильный, красивый и в любых состязаниях кого угодно могу победить!». И пошёл он города завоёвывать, чтобы ему дань платили.

Пришёл он в первый город и говорит: «Выставляйте своего самого храброго богатыря, сразимся мы с ним в любом состязании. Если я буду победителем – будете вы мне дань платить». В том городе был силач и пришёл он биться со змеем страшным... Долго они сражались, но Змей Горыныч победил и стал город дань ему платить.

Так победил Змей Горыныч восемь городов в разных состязаниях: победил мудреца в мудрости, певца в пении, храбреца в храбрости... И все ему дань платят.

Скучно стало Змею Горынычу, некого побеждать больше. Пошёл он к Бабе Яге. Говорит: «Некого мне больше побеждать. Всех я во всём лучше». А Баба Яга отвечает: «В тридевяти царстве, в тридесяти лесу живет Иванушка. Иди к нему, он тебя сможет победить».

Пошёл Змей Горыныч искать Иванушку. Пришёл в тридесятый лес и видит домик, в

нём – Иванушка, говорит змей ему: «В чём же ты меня победить можешь, Иванушка? В любом состязании с тобой сражусь!». А Иван отвечает: «Я самый большой лентяй на свете! Я тебя ленью могу победить».

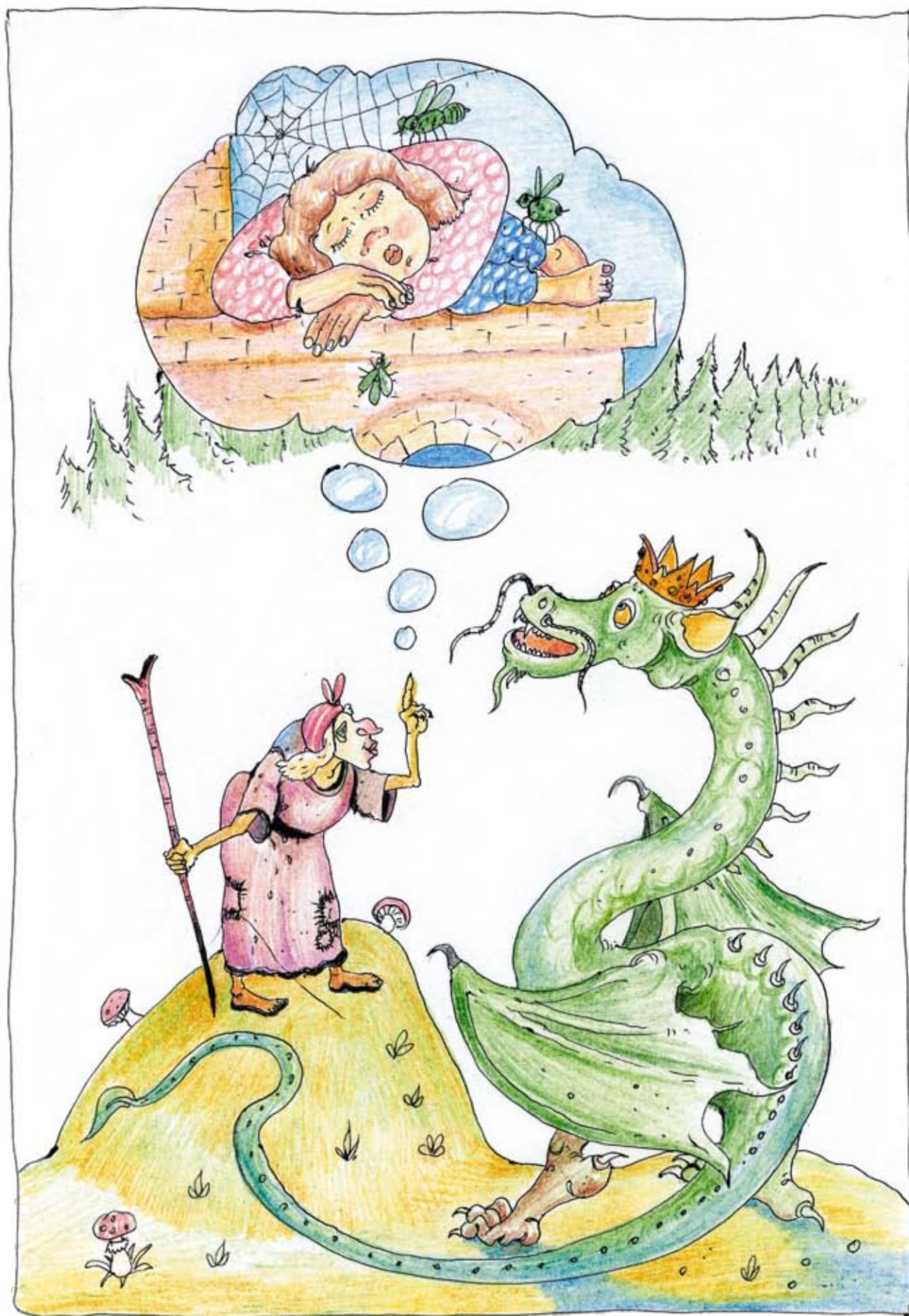
И стали они состязаться. Лёг Иван на печи, и Змей Горыныч в избе улёгся. Прошло три дня, а Иван с печи не слезает. Змей Горыныч проголодался, но терпит. Прошла неделя. Змей Горыныч ослаб. Прошёл месяц. Змей Горыныч совсем слабый стал, не выдержал, пошёл дров нарубил, печь истопил, еду сварил, себя и Ивана накормил. А Иван и говорит: «Я тебя победил!». Змей Горыныч же не мог поверить, что Иван смог его победить, да делать нечего.

Перестали города Змею Горынычу дань платить.

Вот так лентяй победил самого сильного, мудрого, хитрого, храброго Змея Горыныча! Бессильны против лени многие достоинства.

*Алексей Кабанов,
10 лет, г. Тюмень.*





Принцесса Искорка

За тридевять земель, за тридевять морей, в некотором царстве, в некотором государстве жил-был могучий царь Огонь, и была у него дочь – прекрасная принцесса Искорка. Жили они дружно и счастливо. Многие годы был у престола царь Огонь. Все знали его как строгого, но справедливого царя. Недалеко от царства Огня находились царство Воды и царство Ветров. Владыки ближайших государств жили в мире и никогда не нарушали границ своих владений без надобности. Они часто обращались к царю Огню за помощью. Всегда помогал им Огонь. Так и жили владыки в мире и согласии.

Долго ли, коротко ли, шло время, подрастала маленькая принцесса Искорка и становилась всё более любопытной и непослушной. Она любила гулять по огромным просторам своего царства, играть в весёлые и шумные игры со своими друзьями. Но её всегда интересовал один вопрос: «Что происходит за пределами их государства?». Но царь Огонь держал в строгости свою шаловливую дочь и не выпускал за ворота царства.

Царство Огня было обнесено огромным забором и охранялось стражей. Однажды принцесса решила осуществить свою мечту и посмотреть мир. Незаметно она прокрадась сквозь стражу, вышла из ворот царства и побежала по полям, по лесам, по лугам. Бежала, бежала принцесса Искорка и выбежала на красивую солнечную поляну. Никогда принцесса не видела такой красоты. Вокруг всё цвело и благоухало, в небе весело

кружили яркие бабочки и мотыльки, всюду слышалось сказочное пение птиц. Ведь в царстве Огня было всё выжжено. Там не цвели цветы и не росла трава. Весело гуляла по лугам и полям принцесса Искорка. В это же время здесь гулял принц Ветер, сын царя Ветров. Захотел он поиграть с Искоркой. Стал принц догонять принцессу. Им было весело вместе. Вот подхватил принц маленькую Искорку и понёс её всё дальше и дальше. Запылала, заискрилась она от радости, и её горящие смешинки посыпались на землю. всюду по земле побежал огонь, сжигал всё на своём пути. Горели луга, леса, поля. Все звери, птицы и насекомые пытались спастись от огня, но удалось выжить не всем. Беда пришла в царство Огня.

Узнав о проказах принцессы Искорки и принца Ветра, мудрый царь Огонь отправился за помощью к своему соседу – царю Воде. Стал царь Огонь просить царя Воду остановить непослушных детей. Владыка водный, узнав о случившемся, расплакался. Посыпались его слёзы на землю в виде капель дождя. Их становилось всё больше и больше. По земле побежали ручейки и потушили маленькую Искорку.

Долго тосковал царь Огонь по своей дочери, но он понимал, что поступил мудро и правильно. Вот так грустно закончилась эта история. От маленького непослушания бывает большой пожар.

*Елизавета Прудникова,
12 лет, г. Ишим.*





Культурный центр П.П.Ершова.

Приглашаем на выставку "Неизвестный Ершов" и другие экспозиции.

Ершовская премия на Ишимской земле



2006 г.



2007 г.

2008 г.



2012 г.

2013 г.

*Высоких слов не говоря,
Друзьям объятья раскрывая,
Опять Ершовская земля
Гостей из разных мест встречает.
Здесь память бережно хранят
О сказочнике знаменитом,
И уж который год подряд
В Ишиме чествуют открыто
Людей, владеющих пером
И оставляющих в наследство
Свой труд, что входит в каждый дом
Как память о счастливом детстве.
За каждой строчкой – свет души,
Фантазий добрых продолженье.
Для тех, кто Сказкой одержим,
Ишим стал центром притяженья.
Благословенная земля!
И потому сегодня снова
Восходит майская заря
Над праздником Петра Ершова.*

Ольга Чернышова,
г. Ишим.



«КОНЁК-ГОРБУНОК»

Ишимский детский познавательный журнал для семейного чтения

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ: Ф.Б.Шишкин, Е.А.Сергеева, Н.П.Кузовкова,
Т.П.Филиппова. РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Н.Л.Проскурякова (главный редактор), Г.А.Крамор (подготовка текстов, вёрстка, фотографии), Т.П.Савченкова.

На первой странице обложки: «Сказка о царе Салтане», рисунок Елены Суриковой (16 лет), ДХШ г. Ишим (преп. В.Г.Манухин). Художник Рудольф Симанов. В оформлении журнала использованы также орнаменты блаженного Геннадия Ишимского и рисунки Г.О.Шлихта, Р.К.Жуковского.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. Советская, 30,
т./ф. (34551) 2-31-41, e-mail: gkr@rambler.ru, Культурный центр П.П.Ершова.
Электронная версия на сайте www.ershov.ishimkultura.ru.

Отпечатан в типографии «ВиК», г. Тюмень, ул. Комсомольская, 58, тел. (3452) 388-688.
Тираж 999 экз. Подписан в печать 14.05.2014 г.



Гран-при
VIII межрегионального
конкурса-фестиваля
«Православие и СМИ»
(г. Тобольск).



Диплом лауреата
VI регионального
конкурса «Книга года»
(г. Тюмень).